

го ему прежде всего надлежит хорошенъко познакомиться съ литературой предмета, а то онъ вотъ какъ перечисляетъ «существующіе сборники обычаевъ первобытныхъ народовъ»: «сборники Робертсона, Карла Конта, Вайца, Клемма, Тайлора, Дарвина, Леббока и др.» Можемъ увѣрить г. Самоквасова, что ни Робертсонъ, ни Карлъ Контъ, ни Дарвинъ сборниковъ обычнаго права первобытныхъ народовъ не издавали, а писали одинъ — историческія, другой — философски-юридическія, третій — естественно-историческія сочиненія.

Тимоеей Александровичъ Верховскій, протоіерей Николаевской единоувѣрческой, что на Николаевской улицѣ, въ С.-Петербургѣ, церкви. Записки о его жизни, составленныя имъ самимъ. Часть I. Съ портретами государя императора Николая Павловича, сочинителя и Дмитрія Григорьевича Макушинова. Спб. 1877.

Авторъ родился 15 января 1799 года. Значить, теперь ему подь восемьдесятъ. И эти восемь десятковъ лѣтъ проведены не на пѣчѣ. Какъ видно изъ мемуаровъ, сынъ сельскаго священника, самъ въ молодости совращенный въ расколъ, авторъ посвятилъ свою дѣятельность обращенію старообрядцевъ къ единоувѣрью. Поразказать есть что. Авторъ, пожалуй, и много рассказываетъ (одна первая часть автобіографіи составляетъ огромный томъ въ 1097 страницъ, правда, крупной и разгонистой печати), а, пожалуй, и мало — гляди, по требованіямъ читателя. Всякая автобіографія грѣшитъ тѣмъ, что личность рассказчика поневолѣ получаетъ нѣсколько непропорціонально сильное освѣщеніе. Нужно большое искусство для избѣжанія этого недостатка. Нашъ авторъ такимъ искусствомъ, къ сожалѣнію, не обладаетъ. «Если что всегда останавливало вниманіе мое, говоритъ онъ въ предисловіи: — такъ это особенно многообразныя событія моей собственной жизни». Именно собственной жизни, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, потому что, рассказывая какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ, напримѣръ, кушалъ «чай съ бѣлымъ хлѣбомъ» и т. п., авторъ даже самыхъ близкихъ къ себѣ людей оставляетъ въ тѣни. Такъ, жена его на всемъ огромномъ пространствѣ первой части мемуаровъ является на сцену, т. е. говоритъ и дѣйствуетъ только два раза. И вотъ при какихъ любопытныхъ обстоятельствахъ. Въ 1819 году авторъ видѣлъ таинственный сонъ, въ которомъ ему являлась Богородица. «Отъ избытка чувствъ, рассказываетъ онъ: — доселѣ памятнаго, неизъяснимаго и столь радостнаго, я проснулся и нашель на себѣ все бѣлье и постель подо мною совершенно мокрыми, словно облить былъ водой. Жена моя, замѣтивъ движеніе мое, сразу же спросила меня: что съ вами Тимоеей Александровичъ, здоровы ли вы? что съ вами сдѣлалось? Вы до того потѣли, что не только бѣлье на васъ, но и самая постель вся промокла. Я не смѣла васъ беспокоить, боясь, чтобы не помѣшать вамъ, и дожидалась съ нетерпѣніемъ, покуда проснетесь и пошевелитесь. Что съ вами? скажите мнѣ, Бога ради. — Въсто отвѣта на это, а

сказалъ ей, чтобы она дала свѣжее бѣлье, да и постель нужно перебѣнить, а что я, слава Богу, здоровъ, и больше ничего не желаю и не находилъ нужнымъ ей рассказывать». (79) Въ другой разъ автору было опять таинственный и чудный сонъ. «Пробудившись, я нашелъ себя въ необъяснимомъ положеніи, въ такомъ положеніи, въ какомъ я отъ роду не бывалъ. Первая мысль у меня была, гдѣ и что дѣлается со мной? и что еще дальше будетъ? Но мало по малу, я началъ сознавать себя и чувствовать въ самомъ себѣ большое волненіе, приводившее меня въ трепетъ и потъ. Подошла ко мнѣ жена моя и съ осторожностію спросила: что это съ Вами (большое *В* принадлежитъ автору), не нужно ли чего Вамъ?—Нужно отереть потъ и перебѣнить бѣлье мнѣ, потому что оно все мокрое.—Все это было сдѣлано и я, слава Богу, успокоился» (145). Болѣе жена автора въ мемуарахъ не фигурируетъ.

Конечно, это могло бы объясняться тѣмъ, что авторъ, преданный общественной дѣятельности, мало обращаетъ вниманія на свою семейную жизнь. Но этого нельзя сказать, потому что личная жизнь автора весьма его занимаетъ, до такой степени, что если не совершенно покрываетъ собою его общественную дѣятельность, то все-таки сильно глушитъ ее. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Авторъ дѣйствовалъ въ стародавнемъ гнѣздѣ раскола, въ знаменитыхъ черниговскихъ посадахъ Воронокъ, Лужки, Клинцы, Добрянка и проч., объѣздивъ ихъ не одинъ разъ, имѣлъ столкновенія и съ упорными, и съ податливыми. Вдобавокъ, въ молодости онъ самъ принадлежалъ къ старообрядческой общинѣ въ Клинцахъ. Его наблюдательности представлялось, слѣдовательно, обширное и крайне интересное поле. Но онъ ограничивается самыми скудными историческими и статистическими замѣтками, а вмѣсто живыхъ наблюденій рассказываетъ больше объ томъ, какія кроткія и учительныя рѣчи говорилъ онъ раскольникамъ, склоняя ихъ къ единовѣрью; какія высокія, то радостныя, то скорбныя чувства испытывалъ онъ, встречая согласіе или упорство; какія наконецъ, имѣлъ онъ по этому поводу сношенія съ разными высокопоставленными лицами. Изъ всего этого слагается кое-какой нравственный портретъ автора (весьма однако односторонній, потому что, не имѣя причинъ недоувѣрять автору, мы полагаемъ все-таки, что есть въ его личности какія-нибудь черты, кромѣ кротости). Но о положеніи раскольниковъ, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, объ ихъ отношеніяхъ къ православнымъ, къ разнаго рода властямъ и обратно—свѣдѣнія оказываются крайне скудными и притомъ не новыми. Личная дѣятельность автора также очень не типична, потому что сомнительно, чтобы въ сороковыхъ годахъ было много людей, дѣйствовавшихъ противъ раскола столь крото и благодушно. Конечно, предметъ самъ по себѣ до такой степени интересенъ, что кое-какія характерныя черты изъ исторіи мѣръ, направленныхъ противъ раскола, могутъ быть найдены и въ

автобіографіи о. Верховскаго. Но ихъ такъ мало, что не стѣитъ и искать.

Есть однако въ книгѣ одинъ эпизодъ, представляющій огромный интересъ, хотя едвали тотъ, который хочетъ ему придать авторъ. Эпизодъ этотъ до такой степени характеренъ для всей русской жизни того времени, что мы хотѣли бы привести его цѣликомъ. Но онъ занимаетъ слишкомъ много мѣста, и намъ придется пропустить многое, достойное вниманія.

Въ 1829 году единовѣрческою Николаевскую (въ Петербургѣ) церковь сталъ посѣщать «с.-петербургскій гражданинъ, состоящій записаннымъ въ шапочномъ цехѣ мастеромъ ремесленной управы» Дмитрій Григорьевичъ Макушиновъ. Это былъ почтенный старикъ, и авторъ, бывший уже тогда священникомъ Николаевской церкви, скоро съ нимъ очень сблизился. Дружба ихъ продолжалась до самой смерти Макушинова (1838 г.). Исторія Макушинова достойна быть поэтически воспроизведенной рукою такого мастера, какъ г. Достоевскій. Мало того, самъ Шекспиръ не побрезгалъ бы такимъ сюжетомъ. Во-первыхъ, что такое самъ Макушиновъ? Вотъ его собственный рассказъ:

«Я, батюшка, уроженецъ Владимірской Губерніи, помѣщичій. Въ дѣтствѣ родителями отправленъ былъ въ Питеръ съ 30-ю копейками мѣды съ однимъ землякомъ, который былъ здѣсь шапочнымъ мастеромъ. Онъ взялъ меня къ себѣ, сталъ учить шапочному мастерству, и я выжилъ у него пять лѣтъ безъ всякой платы. Мастерство это хорошо мнѣ далось и я задумалъ отъ него отойти и самъ по себѣ заниматься работой. Благодареніе Богу мнѣ посчастливилось: торговцы брали мою работу съ охотой и сравнительно съ другими прибавляли мнѣ въ цѣнѣ. Добрые люди посоветывали мнѣ устроить свою мастерскую и снимать подряды. Я послушался умныхъ рѣчей и въ скоромъ времени мастерская моя сдѣлалась первою по ремеслу своему, и я началъ входить въ разныя подряды, отъ которыхъ со временемъ образовался у меня порядочный капиталъ. Предъ разрывомъ нашего правительства съ Англіей, я Аспѣлъ по выгодной цѣнѣ купить для своей мастерской большую партію англійскаго товара, на который цѣнность удесътерилась. Вотъ это-то время, батюшка, и было началомъ моего благосостоянія и богатства. Въ 1828 году я приобрѣлъ себѣ большую извѣстность въ здѣшней столицѣ. Перебѣнивъ первоначальный свой трудъ, я началъ отдавать свои деньги въ дисконтъ и покупать векселя. Изъ собираемыхъ такимъ путемъ денегъ началъ я раздавать милостыню нищимъ, которые каждодневно сотнями собирались на мой дворъ и я съ 10-го часа утра до 2-хъ по полудни своими руками въ форточку, вотъ изъ этого окна, всѣхъ поочередно одѣлалъ деньгами».

На милостыню Макушиновъ расходовалъ въ годъ до тринадцати тысячъ. А между тѣмъ по смерти его, денегъ, векселей и имущества оказалось на 957,270 рублей. Значитъ, его растовщическая дѣятельность или, какъ выражается нашъ авторъ, «помощь ближнимъ въ дѣлахъ купеческихъ» была достаточно-таки обширна. Объ этой «помощи» о. Верховскій рассказываетъ чрезвычайно наивно:

«Помогая бѣднымъ чрезъ подаваніе щедрой милостыни, Макушиновъ очень часто дѣлалъ большія одолженія деньгами и тѣмъ, которыхъ купеческія дѣла находились въ разстроенныхъ обстоятельствахъ. Деньги онъ отдавалъ, какъ

выше сказано, въ дисконтъ и скупалъ векселя съ весьма большою осторожностью и знаніемъ этого дѣла. Онъ почти не отдавалъ денегъ на одню лича а всегда съ поручителемъ, а если и отдавалъ, то такому лицу, въ коемъ тѣмъ сомнѣнія не было. Но при этомъ ему никакъ не хотѣлось просить ростовщикомъ: онъ зналъ изъ слова Божія, что *зубить себе мздоимецъ* и въ крайности оскорблялся, когда произносилось это нелюбимое имъ названіе. Онъ зналъ и глубоко былъ убѣжденъ, что *лучше дать, нежели принять*. Однакожъ онъ при мнѣ взялъ книгу «О должности христіанина» св. Тахона Вороньскаго и, указывая на статью «О дающемъ взаимъ деньги», просилъ меня прочесть ее. Я исполнилъ его желаніе. Послѣ этого онъ просилъ меня прочитать и слѣдующую за ней «О приемлющихъ взаимъ деньги». Я прочиталъ эту и эту. Макушиновъ, немного помолчавши, сказалъ мнѣ: *вотъ, батюшка, смотри видишь, что лучше давать, чѣмъ брать, на дающимъ меньше обязанности, чѣмъ на приемлющимъ*.

Въ другой разъ Макушиновъ говорилъ автору:

«Вѣдь вы, батюшка, знаете, что я прикащикъ только, а не хозяинъ, и дѣлаю то, что Хозяину угодно; и все, что имѣю и что раздаю, это не мое, а Божіе. Богъ—хозяинъ, а я только приставникъ его. Мнѣ самому немного нужно, не болѣе одного гривенника въ день. Слава Богу, я благодарю Отца небеснаго, что за деньги ни одного въ тюрьму не сажалъ, а многихъ и очень многихъ отъ тюрьмы избавлялъ. Смотришь, бывало, понадобится ли кому деньги—онъ, бѣдникъ, бѣгаетъ, бѣгаетъ, ищетъ, ищетъ, чтобы только освободиться отъ тюрьмы, и, не найдя средствъ выпутаться изъ бѣды, идетъ ко мнѣ и со слезами проситъ помочь ему. Дашь ему деньги, а возьмешь съ него лоскутъ бумаги; ну вотъ, смотришь, и избавился отъ тюрьмы, а затѣмъ и въ своихъ обстоятельствахъ поправился. А бывали нерѣдко и такіе случаи, что и деньги-то дашь, да въ помощь не идутъ глупому, и онъ не только свои оставилъ, но и взятна чужія промотаетъ. Что съ нимъ будешь дѣлать-то? А бѣдъ просить со слезами не оставить его въ бѣдѣ. Трудно, батюшка, давать и не легко и брать или свое-то получать! *Съ такими, нечего дѣлать, омычемъ черезъ начальство въ дѣлѣ и съ условенными барышами, да за него же, глупаго, и милостиво подашь, а онъ все бы пропилъ и промоталъ*».

О. Верховскій не сомнѣвается въ томъ, что ростовщичество Макушинова есть особый видъ филантропіи. Самъ Макушиновъ, какъ видно, не совсѣмъ былъ въ этомъ увѣренъ. Если иногда онъ съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ говорилъ о своей дѣятельности, то по временамъ его, все-таки, должно быть, грызъ какой-то тайный червь. Оттого-то онъ и былъ такъ щекотливъ къ названію «мздоимца» и такъ старался свалить свой грѣхъ на «приемлющихъ заемъ деньги»: они, молъ, настоящіе грѣшники. Надо, при этомъ, замѣтить, что Макушиновъ былъ страшно скупъ. «Кафтанъ у него былъ весь въ заплаткахъ», по свидѣтельству автора. Опасно больной, онъ хотеть «освободиться отъ расходовъ на лекарства» и поэтому ссорится съ докторомъ. Наконецъ, заботясь о спасеніи души, онъ устраиваетъ у себя на дому еженедѣльное богослуженіе, но при этомъ торгуется со священникомъ изъ-за двухъ рублей, вмѣсто семи даетъ пять. Тѣмъ не менѣе, о спасеніи души онъ очень заботится. Софизмы насчетъ выщей грѣховности «приемлющихъ взаимъ» не въ силахъ заглушить грызущаго его червя, онъ чувствуетъ, что онъ грѣшникъ: идутъ молебны, влады въ монастыри («на неуспѣ-

ное чтеніе псалтыри за его душу»), наконецъ, тайное постриженіе въ монахи. Но ростовщическая дѣятельность, при этомъ, не прерывается. И не одинъ, не два года живетъ человѣкъ, нося въ себѣ этотъ дикій кавардакъ чувствъ и понятій, и свидѣтельствуя своимъ существованіемъ о той, почти невѣроятной степени, до которой можетъ дойти огнеупорность человѣческой природы, ея живучесть и выносливость. Носить въ себѣ такую котель и не разорваться! Живи Макушиновъ въ наше время, его огнеупорности нѣчего было бы удивляться, да и не бросалась бы она такъ въ глаза. Безцѣльность алчности затерялась бы въ водоворотѣ промышленной или финансовой дѣятельности, громоздил бы онъ предпріятіе на предпріятіе и въ этомъ, да еще въ удовлетвореніи аппетитовъ находилъ бы нѣкоторое подобіе исхода своимъ силамъ. Въ старыя годы не то; аппетитовъ никакихъ, кромѣ аппетита къ денежнымъ знакамъ: сидитъ человѣкъ сиднемъ и переливаетъ изъ пустого въ порожнее; грабить для спасенія души и, какъ самъ внутренно сознаетъ, всю жизнь сокращаетъ плюсъ на минусъ.

И вотъ надъ этимъ оригинальнымъ явленіемъ, надъ этимъ мѣшкомъ съ деньгами начинаютъ виться своего рода коршунъ, въ видѣ разнообразныхъ элементовъ тогдашней русской жизни. На пути отъ пустого къ порожнему задержано въ мѣшкѣ достаточно добра, плодъ созрѣлъ, надо его сорвать. Начинаетъ Макушиновъ получать безыменныя письма, сначала съ просьбой положить въ извѣстномъ мѣстѣ 20,000 рублей и тѣмъ спасти отъ бѣдствія многочисленное семейство неизвѣстнаго корреспондента. Макушиновъ не обращаетъ на письма вниманія и просьбы не исполняетъ. Тогда тонъ писемъ поднимается, являются угрозы «лишить жизни жестокосердаго богача въ его же домѣ». Макушиновъ труситъ и не даромъ: вскорѣ какой-то злодѣй убиваетъ его жену и грабитъ больше, чѣмъ на 20,000. Макушиновъ послѣ этого сталъ очень недовѣрчивъ, рѣдко выходилъ изъ дому, наконецъ, заболѣлъ. О. Верховскій не оставлялъ своего духовнаго сына и потому видѣлъ все, что около него происходило, а происходило вотъ что: является однажды квартальный надзиратель, неизвѣстно зачѣмъ. «Больной, никогда не ладившій съ полиціей и, надѣясь на насъ (О. Верховскаго и доктора), изъ-за дверей своей комнаты отвѣчалъ: «ты не надзиратель, а негодяй. Грабить, что-ли, пришелъ меня? вонъ пошелъ». Надзиратель, ни слова не говоря, сряду же съ своими служителями вышелъ вонъ и въ передней, увидѣвъ дворника, ударилъ его по щекѣ, сказавъ: «ты, скотина, мошенникъ! зачѣмъ ты меня звалъ?!» И съ этими словами вышелъ вонъ изъ квартиры». Дворникъ, однако, клялся и божился, что и не думалъ звать квартальнаго. Такъ дѣло и не выяснилось. Единственно, что извлекъ изъ этого случая о. Верховскій, это необходимость побудить Макушинова поскорѣе написать духовное завѣщаніе. И побудилъ. Подробности составленія духовнаго за-

вѣщанія въ высокой степени поучительны, главнымъ образомъ потому, что окружающіе Макушинова, вся обстановка послѣднихъ дней его жизни какъ бы окрасилась его цвѣтами, прониклась тою двойственностью, которою всю жизнь болѣлъ старикъ. Это видно уже изъ слѣдующихъ, напримѣръ, оглавленій тѣхъ маленькихъ параграфовъ, на которые раздробилъ свои мемуары о. Верховскій: «Макушиновъ проситъ совершить надъ нимъ елеосвященіе», «Мое напоминаніе Дмитревнѣ о томъ, что бы никою не допускать до конторки Макушинова», «Елеосвященіе надъ Макушиновымъ. О. діаконъ производитъ такой безпорядокъ во время елеосвященія, что является полиція для разслѣдованія», «Духовенство нашей церкви договаривается съ Макушиновымъ насчетъ вознагражденія за труды, какіе оно будетъ имѣть при погребеніи и поминаненіи его», и т. д.хлопотъ у о. Верховскаго было видимо-невидимо. Является, напримѣръ, купецъ Бунинъ и, не говоря дурнаго слова, увозитъ, въ отсутствіе о. Верховскаго, всѣ наличные капиталы Макушинова. О. Верховскій пускается за нимъ въ погоню и, наконецъ, убѣждаетъ его отдать деньги, не сразу, однако, потому что ему приходится въ голову даже такіа мысли: «Я одинъ-одинехонекъ, а Бунинъ — мужчина ростомъ великанъ, дюжій собой, лицомъ красивый. Ну, думаю, дастъ въ голову и не опомнишься другого юстинца». Повончили съ Бунинымъ, приходитъ приставъ. Онъ желаетъ прочесть завѣщаніе, а, прочесть, говорить: «все на монастыри, да на церкви, а на полицію ничего... странно!» Затѣмъ, приставъ принимаетъ участіе въ счетѣ капитала Макушинова и за это желаетъ получить вознагражденіе. О. Верховскій берется передать эту просьбу больному, около смертнаго одра котораго происходитъ вся эта возня. Послѣ длиннаго вступленія, о. Верховскій говоритъ больному:

«Въ заключеніе всего этого, слѣдовало бы угостить г. пристава чайкомъ. Да кто же у васъ это устроитъ? Вы и сами знаете, что некому, а потому прошу васъ, пусть онъ за ваше здоровье въ квартирѣ своей съ супругой и дѣтьми откушаетъ чайку и вы по этому поводу поблагодарите г. пристава, по усмотрѣнію, сколько вамъ заблагоразсудится».

Онъ со вниманіемъ выслушалъ это и потомъ сказалъ мнѣ: «спасибо, отецъ мой, что ты учишь меня».

«Такъ дайте ему. Сколько прикажете?»

Онъ отвѣчалъ: «два цѣлковнхъ».

«Почтенный Дмитрій Григорьевичъ, говорю ему, неловко мнѣ давать ему серебромъ, а ему братъ. Послушайте меня, возлюбленный мой, ихъ пришло посѣтить васъ трое, подари ихъ, не покупись; господину приставу дай сотенку, а тѣмъ по 50 рубликовъ».

Что же онъ на это отвѣчалъ мнѣ? Взглянувъ на меня не совсѣмъ привѣтно, онъ сказалъ рѣзко: «вертушка—ты» и самъ отворотился къ стѣнѣ. Обратись къ г. приставу и указывая на больного, я сказалъ ему: «Петръ Васильевичъ, потрудитесь сами предложить ему». Частный, услышавъ о двухъ рубляхъ, махнулъ рукой, сказавъ: «ну его!»

Приставъ, однако, вполнѣдствіи, свое взялъ, именно взялъ.

По смерти Макушинова, о. Верховскій желалъ отправить деньги для храненія «въ церковное казначохранилище», а Павловъ (приставъ) настаивалъ на управѣ благочинія. Между прочимъ, у нихъ былъ, по этому случаю, такой разговоръ:

«Остались мы вдвоемъ, и онъ сказалъ мнѣ: «О. Тимофей, серія-то бѣгаютъ: вѣдь у тебя семейство, да и у меня семейство». Понявъ его, я на отрывъ сказалъ ему: «этого сдѣлать невозможно, никакъ не можетъ быть». Онъ, перебивъ разговоръ, спросилъ меня: «сколько остается капитала, сверхъ назначенія по духовному завѣщанію»? Я отвѣчалъ: «это мнѣ неизвѣстно».—«А когда такъ, о. Тимофей, я хочу быть съ вами откровененъ, между нами Богъ. Чтобы сдѣлать такъ, какъ вы просили, я готовъ и сдѣлаю, только не менѣе 2-хъ тысячъ рублей мнѣ благодарности».—«Петръ Васильевичъ, деньги не мои и мнѣ ихъ не жалко, только не много ли будетъ»? Соображая какъ поступить въ этомъ случаѣ, я рѣшился на это, помня первое притязаніе Павлова на такую же благодарность еще при жизни Макушинова, но торговался, сказавъ ему: «готовъ благодарить васъ 200-ми рублѣй, но не болѣе». Услышавъ это, онъ оскорбился... Тутъ же отсчиталъ 2000 рублѣй своей рукой и, положивъ въ карманъ, вышелъ изъ комнаты. На его мѣсто явился надзиратель со словами, будто бы я хотѣлъ благодарить и его, но я отвѣчалъ, что объ этомъ я не думаю, но что готовъ благодарить за его хлопоты и, завернувъ въ бумагу 25 рублѣй, вложилъ ему въ руку».

О. Верховскій приложилъ къ разсказу о Макушиновѣ самое духовное завѣщаніе, отчетъ въ расходахъ на похороны и проч. Мы не нашли, однако, ни подъ какой рубрикой этихъ 2,025 рублѣй «благодарности» приставу и надзирателю. Не разсказываетъ также о. Верховскій условій, при которыхъ ему завѣщано было Макушиновымъ 10,000 рублѣй. Эта цифра просто стоитъ въ завѣщаніи, безъ всякихъ комментаріевъ. Самъ авторъ описывается и здѣсь только вроткимъ и учительнымъ пастыремъ. О другихъ духовныхъ лицахъ онъ разсказываетъ иное, напримѣръ, о діаконѣ, произведшемъ скандалъ во время елееосвященія; о причтѣ единовѣрческой церкви, торговавшемся съ умирающимъ насчетъ особаго вознагражденія за панихиды и проч., кромѣ 10,000, пожертвованныхъ въ церковь на «вѣчное поминовеніе».

«Отцы, Бога ради не беспокойтесь, я у васъ въ долгу не останусь». Такъ стоналъ умирающій въ отвѣтъ на эти требованія... Такъ жилъ и умиралъ Макушиновъ. Позавидовать нечему. А для г. Достоевскаго, все-таки, богатѣйшая тѣма.

Борьба расъ въ Америкѣ. *Генворта Диксона. Съ рисунками.*
Спб. 1876 г.

Переводъ извѣстнаго сочиненія Диксона «White conquest» является хотя нѣсколько поздно, сравнительно съ выходомъ книги и отчетами о ней въ русскихъ журналахъ, тѣмъ не менѣе, прочтется съ большимъ интересомъ. Запоздалыми являются только тѣ политическіе вопросы и распри, которые волновали Америку во время путешествія автора и воспоминанія о которыхъ еще довольно свѣжи были и въ началѣ прошлаго года, а теперь сданы въ архивъ. Къ такимъ относятся: опасенія цеза-